

Клавдия А. Прокопчук

Национально-культурные особенности польского и русского научных стилей

Przegląd Wschodnioeuropejski 1, 331-349

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Клавдия А. Прокопчук
Friedrich-Aleksander-Universität Erlangen – Nürnberg

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО НАУЧНЫХ СТИЛЕЙ (в свете классификации интеллектуальных стилей по Й. Гальтунгу)

1. Проблема выявления и описания национально-культурных параметров научного текста представляет в настоящее время большой интерес для представителей различных отраслей гуманитарных наук – социологов, занимающихся вопросами межкультурной научной коммуникации, лингвистов, работающих в области контрастивной лингвистики и стилистики научного текста, специалистов в области преподавания иностранных языков. Хотя, безусловно, нельзя не признать, что „стиль научной прозы имеет некоторые общие тенденции вне зависимости от конкретных языков”¹, благодаря контрастивным исследованиям были выявлены отличия, касающиеся, например, композиционно-смысловой структуры научного текста, принципов его развертывания, построения и объёма абзаца, употребления средств связи, степени экспликации определенных этапов научнопознавательного процесса, особенностей цитирования, выражения авторского „я” и т.д.².

Имеющиеся на сегодняшний день результаты исследований научного текста в контрастивно-стилистическом аспекте носят отчасти разрозненный характер и оставляют открытым вопрос, насколько правомерно на их основании говорить о существовании различных национально-культурных научных стилей в целом, так что представление, например, об англо-американском, романском, японском, польском и т.д. научных стилях

¹ В.Н. Ярцева, *Международная роль языка науки*, в: *VII Межд. социологический конгресс, Варна 1970*, цит. по: М.Н. Кожина, *Стилистика сопоставительная*, в: *Стилистический словарь русского языка*, под ред. М.Н. Кожинной, Москва 2003, с. 428.

² См., например, обзор литературы в: Н. Schroder, *Der Stil wissenschaftlichen Schreibens zwischen Disziplin, Kultur und Paradigma – Methodologische Anmerkungen zur interkulturellen Stilforschung*, w: *Stilfragen*, hrsg. von G. Stickel, Berlin–New York 1995; *Culture and Styles of Academic Discourse*, ed. by A. Duszak, Berlin–New York 1997; М.Н. Кожина, *Стилистика сопоставительная...*

является некоторым упрощением, при котором комплексная сфера научной коммуникации со всеми ее предметами, парадигмами, ответвлениями, национальными и интернациональными влияниями рассматривается как более или менее гомогенное пространство. Кроме того следует заметить, что национально-культурные стилевые особенности скорее могут быть выявлены в текстах гуманитарных отраслей знания и в меньшей степени они проявляются в технических и естественных науках. К. Гнутцманн выдвинул гипотезу, согласно которой чем больше какая-либо область науки носит общекультурный характер, т.е. её предмет исследования не лежит в сфере „первичной” культуры, тем сильнее в ней тенденция к применению похожих или идентичных образцов построения дискурса. И чем больше предмет исследования какой-либо отрасли науки коренится в „первичной” культуре, чем больше он имеет общественно направленный характер, тем вероятней тенденция, что при передаче научного содержания будут создаваться культурно-специфические образцы дискурса³. В литературе, посвященной выявлению и описанию национально-культурных особенностей в сфере научной коммуникации, одним из наиболее часто упоминаемых и цитируемых авторов является известный норвежский социолог и политолог Й. Гальтунг. Появление в 1981 году его статьи „Структура, культура и интеллектуальный стиль: Сравнительное эссе о саксонской, тевтонской, галльской и ниппонской науке”⁴ вызвало большой резонанс среди исследователей, занимающихся вопросами культурной детерминации научной деятельности, стилями в науке, межкультурной коммуникацией ученых, особенностями построения научного текста, риторикой научного текста. В своей статье Гальтунг описывает различия (главным образом – интуитивно ощущаемые) в письменной и устной научной речи представителей четырех так называемых интеллектуальных стилей — саксонского, тевтонского, галльского и ниппонского. Восточную Европу, включая Советский Союз, но за исключением Румынии, Гальтунг видит находящейся в сфере влияния тевтонского интеллектуального стиля, объясняя это частично общим культурным влиянием на протяжении веков, частично влиянием одной из ключевых фигур тевтонского стиля мышления – Карла Маркса⁵.

Высказанное Гальтунгом мнение о принадлежности научных стилей стран Восточной Европы к „ареалу” тевтонского (т.е. основывающемуся на немецкой традиции) интеллектуальному стилю не осталось без внимания

³ C. Gnutzmann, *Sprachliche Indikatoren zur Explizierung von 'Zielsetzungen' im Englischen und Deutschen*. Ms. eines Vortrags auf dem 9. IDV-Kongress in Wien, 1989.

⁴ J. Galtung, *Structure, culture and intellectual style. An essay comparing saxonic, teutonic, gallic and nipponic approaches*, „Social Science Information” 1981, Vol. 20(6).

⁵ Там же, с. 820.

в работах, посвященных изучению польского, русского, чешского научного текста (дискурса) в контрастивном аспекте. С одной стороны, если речь идет о различиях между англо-американским научным стилем и стилем той или иной восточноевропейской страны, то прослеживается тенденция подчеркивать близость соответствующего восточноевропейского стиля (напр. польского, русского) немецкому научному стилю⁶. С другой стороны, имеются работы, в которых выявленные особенности стиля польских, советских или русских исследователей оцениваются по их соответствию/несоответствию характеристикам, присущих, согласно Гальтунгу, тевтонскому интеллектуальному стилю⁷.

Данная статья направлена на обсуждение вопроса, насколько выявленные в результате эмпирических исследований национально-культурные особенности стилей отдельных восточноевропейских стран позволяют говорить о принадлежности этих стилей к тевтонскому интеллектуальному стилю. Для этого мы сначала рассмотрим предложенные Гальтунгом характеристики четырех интеллектуальных стилей и уточним понятие „тевтонский интеллектуальный стиль”. Далее предполагается обсудить текстовые характеристики, свидетельствующие как о сходстве, так и различиях в стилях современных немецких, польских и русских текстов в области гуманитарных наук.

2. Согласно Гальтунгу, тевтонский интеллектуальный стиль (равно как и базирующийся на французской традиции галльский интеллектуальный стиль) ориентирован прежде всего на анализ парадигм и выработку теории. Эмпирическим данным отводится при этом скорее иллюстративная, чем доказательная функция. Напротив, для саксонского стиля в большей мере характерно документирование всевозможных данных⁸ и в меньшей степени — создание новых теорий. Ниппонский стиль также больше ориентирован на эмпирические данные, чем на выработку теорий.

Что касается галльского интеллектуального стиля, то его отличие от тевтонского стиля заключается прежде всего в элегантности языка

⁶ A. Duszak, *Academic discourse and intellectual styles*, „Journal of Pragmatics” 1994, Vol. 21; teŹe, *Tekst, dyskurs, komunikacja międykulturowa*, Warszawa 1998; K. Prokopczuk, *Die Wechselbeziehung zwischen Vorder- und Hintergrund als Stilmerkmal in Texten der Wissenschaft*, in: *‘Stil’ in den Wissenschaften*, hrsg. von K. Robering, Münster 2007.

⁷ M. Punkki, H. Schröder, *Argumentative Strukturen in russischsprachigen Texten der Gesellschaftswissenschaften — Beispiele für paradigmatisch bedingte Argumentation und deren Sprachmittel*, in: *Text, Interpretation, Argumentation*, ed. by M. Kusch and H. Schröder, Hamburg 1989; K. Прокопчук, *К вопросу о принадлежности польского научного стиля к так называемому тевтонскому интеллектуальному стилю*, в: *Паланістыка — Полоністыка — Polonistyka*, ред. А. Кіклевіч і С. Важнік, Мінск 2006.

⁸ Ср: „The British penchant for documentation is proverbial, as in the USA love of statistics. To have thoroughly scrutinized all sources, to have put all the data together, concealing nothing, is a key criterion of scholarship“ — J. Galtung, *Structure, culture and intellectual style...*, p. 827.

изложения: „In the teutonic case one aims for rigour, if necessary at the expense of elegance; in the gallic case the goal is elegance, perhaps at the expense of rigour in the teutonic sense”⁹.

По мнению Гальтунга, в научной дискуссии для тевтонского и галльского стилей характерна более резкая и бескомпромиссная критика позиции оппонента по сравнению с саксонским и ниппонским стилем¹⁰. Данное утверждение не означает, что в других интеллектуальных культурах не может быть серьезных расхождений во мнениях; вопрос заключается в особенностях проявления этих расхождений, а также в способах взаимодействия личностей в ходе дискуссии. В англо-американской традиции характер проведения дискуссии более демократичный, эгалитарный (по сравнению с тевтонским и галльским стилем) и предполагает как конфронтацию широкого спектра мнений, так и общее стремление получить в результате обсуждения „нечто большее, чем сумму частей”; общая интенция дискуссии – стремление стимулировать оппонента, а не дискредитировать его:

The general spirit [by the saxon style] is that intellectuals constitute a team, that togetherness should be preserved, that there is a gentlemen’s agreement to the effect that „we should stick together and continue our debate in spite of our differences”, that pluralism is an overriding value, higher than the values attached to the individually or collectively held systems of belief. [...] the general idea is that very different convictions should be brought together in a debate, be confronted with each other, and ultimately perhaps produce something which is more than the sum of the parts. The other person should be built up, not put down.

Not so in teutonic and gallic intellectual discussions. First, the dispersion or diversity of opinion in one single debate is likely to be smaller, the audience to be more homogeneous, and thus there will be less discrepancy to handle. Second, there will be no complimentary introduction even among friends, and certainly not if there is the slightest discrepancy of opinion. [...] the discussants will go straight for the weakest point. That weakest point will be fished out of the pond of words, brought into the clearest sunlight for display, so as to leave no doubt, and for dissection, which is done with considerable agility and talent.¹¹

⁹ Там же, с. 832.

¹⁰ Дискуссия в ниппонской интеллектуальной культуре отличается от дискуссии в тевтонской, галльской и саксонской традиции еще и своим предметом обсуждения, который обычно состоит не в исследовании парадигмы, не в вопросе о правомочности определенных выводов из некоторой теории, не в сомнениях в истинности практического материала, а в уточнении принадлежности к той или иной школе – как самого автора (докладчика), так и положений, используемых автором в своем научном построении.

¹¹ Там же, с. 824–825.

Подчеркивая, что интеллектуальная деятельность является прежде всего языковой деятельностью, Гальтунг выдвигает гипотезу о существовании связи между особенностями выделяемых им интеллектуальных стилей и отличительными чертами языка элиты (по сравнению с языком широких масс) в соответствующих странах. Согласно Гальтунгу, немцы, принадлежащие к высшим классам общества, пользуются намного более строгим и сложным языком, что находит отражение и в их интеллектуальном стиле; французы, принадлежащие к высшим классам, говорят на намного более изысканном и элегантном французском, что находит отражение в их интеллектуальном стиле; британцы, принадлежащие к высшим классам, говорят более корректно, их язык гораздо богаче своим словарным запасом, передает более тонкие нюансы и поэтому в большей мере отвечает потребностям точного и детального описания; и, наконец, японцы, принадлежащие к высшим классам, говорят на языке еще более многозначном, сложном и отражающем сознание своего высокого положения в обществе¹². В общем же Гальтунг считает саксонский и ниппонский стили более демократичными и толерантными по сравнению с галльским и тевтонским, а из двух последних признает более элитарной галльскую форму.

Следует заметить, что, во-первых, Гальтунг в своей работе рассматривает не всю палитру существующих научных дисциплин, а концентрируется главным образом на социологии и политологии; и, во-вторых, он не устанавливает прямую зависимость между национальностью автора, языком, на котором он говорит и пишет, и принадлежностью созданного им текста к определенному интеллектуальному стилю, намеренно предпочитая говорить о саксонском, тевтонском, галльском и ниппонском стилях как доминирующих научных стилях в Британии, Германии, Франции и Японии, подчеркивая тем самым неправомерность автоматического соотнесения этих стилей с перечисленными странами. В третьих, учитывая высокий уровень взаимодействий и взаимозависимостей в современном мире, Гальтунг не исключает, что предложенные им характеристики интеллектуальных стилей, возможно, в большей степени отражают положение вещей в 70-е годы XX века, чем в настоящее время.

3. Представленные Гальтунгом обобщения имеют, безусловно, одну слабую сторону – отсутствие достаточной доказательной базы, основывающейся на анализе фактического материала,¹³ что, однако, не влечет за собой автоматически вывод о неправильности этих обобщений. Х. Шрёдер, например, считает метод наблюдения и самонаблюдения – несмотря на его очевидные недостатки – важным источником для создания новых гипотез

¹² Там же, с. 841–842.

¹³ В этом отдавал себе отчет и сам Гальтунг, называя свою работу „сравнительным эссе“.

в изучении национально-культурных научных стилей¹⁴. Вместе с тем ситуация, когда эмпирические исследования, способные подтвердить или опровергнуть те или иные наблюдения и выводы Гальтунга, либо отсутствуют вообще, либо носят частный, фрагментарный характер, неизбежно приводит к тому, что каждый из нас вынужден ориентироваться на собственное ощущение их правильности или неправильности. В качестве примера такой субъективной оценки приведем мнение американского социолога Р. Б. Зайонца, который считает, что предложенные Гальтунгом характеристики интеллектуальных стилей „глубоки и [...] очень точны, по крайней мере в отношении определенной части социологов в регионах, где преобладают указанные национальные группировки [...], хотя для большинства они все же остаются гиперболой”¹⁵. В то же время Зайонц, основываясь на собственных наблюдениях, считает, что стилистические различия между исследователями в рамках одной страны могут оказаться не менее значительными, чем между учеными разных стран¹⁶.

Если обратиться к оценке работы Гальтунга лингвистами, занимающимися вопросами изучения языка науки в контрастивном аспекте, то можно констатировать, что многие авторы¹⁷ в большей или меньшей степени принимают основные идеи Гальтунга, некоторые видят в результатах собственных наблюдений и/или эмпирических исследований подтверждение тех или иных выдвинутых им положений¹⁸; в то же время можно назвать и авторов, отношение которых к идеям Гальтунга явно критическое¹⁹.

¹⁴ H. Schröder, *Der Stil wissenschaftlichen Schreibens...*, S. 163–164.

¹⁵ R.B. Zajonc, *Styles of explanation in social psychology*, „European journal of social psychology” 1989, Vol. 19 [2] – перевод Л.Ф. Вольфсон.

¹⁶ Примечательно, что данное наблюдение подтверждается рядом эмпирических исследований в области контрастивной лингвистики научного текста, напр.: M. Kusch, H. Schröder, *Contrastive Discourse Analysis — the Case of Davidson vs. Habermas*, in: *Text, Interpretation, Argumentation*, ed. by M. Kusch and H. Schröder, Hamburg 1989; M. Punkki, H. Schröder, *Argumentative Strukturen in russischsprachigen Texten der Gesellschaftswissenschaften...*

¹⁷ S. Sachtleber, *Die Organisation wissenschaftlicher Texte. Eine kontrastive Analyse*, Frankfurt am Main u. a., 1993; H. Schröder, *Der Stil wissenschaftlichen Schreibens...*; Л.В. Куликова, *К понятию коммуникативного стиля*, „Вестник ВГУ”. Серия: Филология. Журналистика 2004, № 1.

¹⁸ См.: M. Clyne, *Cultural differences in the organization of academic texts: English and German*, „Journal of Pragmatics” 1987, Vol. 11; H. Kotthoff, *Vortragsstile im Kulturvergleich: zu einigen deutsch-russischen Unterschieden*, in: *Perspektiven auf Stil*, hrsg. von E.-M. Jakobs und A. Rothkegel, Tübingen 2001; H. Baßler, *Russische, deutsche und angloamerikanische Zeitschriftenabstracts der Soziologie: Worin unterscheiden sie sich?* in: *Sprache und politischer Wandel*, hrsg. von H. Gruber u. a., Frankfurt am Main u. a., 2003.

¹⁹ Ср.: G. Graefen, *Wissenschaftstexte im Vergleich — Deutsche Autoren auf Abwegen?* in: *Texte und Diskurse. Methoden und Forschungsergebnisse der funktionalen Pragmatik*, hrsg. von G. Brüner und G. Graefen, Opladen 1994; I.-A. Busch-Lauer, *Fachtexte im Kontrast. Eine linguistische Analyse zu den Kommunikationsbereichen Medizin und Linguistik*, Frankfurt am Main u. a., 1999.

4. Что касается изучения национально-культурных особенностей в научных стилях восточноевропейских стран, то наибольшее влияние идей Гальтунга прослеживается в работах, посвященных контрастивному рассмотрению польского научного текста. Здесь в первую очередь следует указать на серию публикаций А. Душак, в которых польский научный текст характеризуется путем установления его отличий от англо-американского научного текста (в качестве эмпирического материала выбраны научные статьи из области лингвистики), а также обсуждается близость польского и немецкого научного текста (без анализа немецкоязычного материала, а на основе уже имеющихся работ, посвященных сопоставлению немецкого и англо-американского научного дискурса и текста). Попутно высказывается ряд общих утверждений об особенностях польского научного дискурса, позволяющих говорить о его принадлежности к тевтонскому интеллектуальному стилю и тем самым противопоставляющих его саксонскому стилю.

Вслед за Душак к понятиям „тевтонский стиль” и „саксонский стиль” обращается и С. Гайда, характеризуя становление современного польского научного дискурса с точки зрения влияния на него других национально-культурных научных стилей, ср.:

Polski dyskurs naukowy jest obszarem, na którym się stykają różne normy filozoficzne, kulturowe i językowe. Są źródła własne (por. logiczno-filozoficzno-semiologiczna szkoła lwowsko-warszawska, która wywarła w okresie międzywojennym i powojennym olbrzymi wpływ na kształt najnowszego polskiego dyskursu naukowego w humanistyce), ale i obce. Najwcześniej oddziaływały wraz z łąciną tradycje retoryczne. Potem od XIX w. nauka polska znalazła się w strefie wpływów tzw. teutońskiego stylu intelektualno-komunikacyjnego. Słabiej oddziaływały wzorce galijski i rosyjski. Natomiast od końca II wojny światowej rośnie siła wpływu stylu saksońskiego (angloamerykańskiego) przede wszystkim w naukach ścisłych, które i w Polsce przechodzą na język angielski, oraz w naukach społecznych i psychologii, a ostatnio także w naukach o kulturze i na obszarze wąsko pojętych nauk humanistycznych.²⁰

Попытаемся теперь на основе имеющихся на сегодняшний день работ уточнить, какие именно критерии лежат в основе утверждений о принадлежности польского стиля гуманитарных наук к сфере тевтонского интеллектуального стиля.

4.1. Начать следует, пожалуй, с того, что соотношение между анализом парадигмы, выдвижением тезисов, построением теории и работой с фактическим материалом (сбором, обработкой и анализом эмпирических

²⁰ S. Gajda, *Język nauk humanistycznych*, w: *Polszczyzna 2000. Orodzie o stanie języka na przełomie tysiącleci*, pod red. W. Pisarka, Kraków 1999, s. 21.

данных), рассматриваемые Гальтунгом в качестве основных параметров разграничения четырех интеллектуальных стилей, еще не становилось предметом последовательного анализа применительно к дискурсам какой-либо пары языков, в том числе и применительно к польскому научному дискурсу. (В связи с данной проблематикой Душак, опираясь на собственные наблюдения, отмечает, что многие исследования по лингвистике текста в континентальной Европе свидетельствуют о теоретическом интересе к моделированию дискурсивных феноменов, тогда как британские и англо-американские работы по тексту и дискурсу обнаруживают склонность к прагматизации и прикладному подходу. В качестве примеров работ из континентальной Европы указывается на 4 монографии, 3 из которых написаны немецкими авторами, и одна — польским автором на немецком языке²¹).

4.2. Что касается подчеркиваемой Гальтунгом жесткости тевтонской (равно как и галльской) научной дискуссии, в которой меньше внимания уделяется проявлениям вежливого и доброжелательного отношения к дискутирующим оппонентам, где докладчик чувствует себя в роли „жертвы”, то похоже, что данная характеристика вряд-ли применима к польской научной дискуссии. Душак пишет:

Jeśli polska kultura akademicka mieści się w sferze wpływów teutońskich, to powinna ją cechować podobna konfrontatywność stylu, jaką Galtung przypisuje niemieckim debatom naukowym. Nie są mi znane badania nad zachowaniami komunikacyjnymi polskich naukowców, które ustosunkowywałyby się do tej tezy. Wyjątek stanowi praca Piętkowej (1992), w której autorka omawia zjawiska grzeczności językowej w dyskusjach naukowych, zwracając m.in. uwagę na konwencjonalizację pochwał jako zapowiedzi krytyki.²²

Относительно конвенционализации предвещающей критику похвалы, отмечаемой Р. Пентковой²³ для польского научного дискурса, следует заметить, что коммуникативная стратегия, при которой намерение высказать критику сопровождается положительным вступлением, рассматривается Гальтунгом как типично „саксонская”, причем в американском стиле коммуникации – здесь Гальтунг ссылается на свои наблюдения – часть высказывания, содержащая похвалу, в среднем оказывается длиннее, чем это принято в британском стиле²⁴.

²¹ См.: A. Duszak, *Cross-cultural academic communication: a discourse-community view*, w: *Culture and Styles of Academic Discourse*, e by A. Duszak, Berlin–New York 1997, p. 31.

²² A. Duszak, *Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa...*, s. 381.

²³ R. Piętkowa, *Językowe strategie grzeczności w dyskusji*, w: *Polska etykieta językowa*, *Język a kultura* 11, pod red. J. Anusiewiczza i M. Marcjanik, Wrocław 1992.

²⁴ J. Galtung, *Structure, culture and intellectual style...*, p. 824.

Вместе с тем есть основания полагать, что в польских письменных текстах прослеживаются коммуникативные стратегии, связанные со стремлением предупредить критику в свой адрес, которые Гальтунг считает в большей степени характерными для устных научных выступлений в рамках тевтонского и галльского интеллектуальных стилей. Речь идет о вступительной части со всяческими оговорками и непременными отсылками к авторитетам, которые должны по-возможности предупредить критические замечания со стороны коллег, ср.:

The papergiving defendant [...] might prefer to play it safe, be cagey, stick to the line from the beginning, offer some peremptory phrases designed to deflect hostile attention by uttering the correct magic words, by paying obedience to authorities and stratagems of that kind. [...] The counterparts within the saxon setting might go more quickly to the point, the US players perhaps more audaciously than others.²⁵

В свою очередь, в результате сравнительного анализа вводной части в польских и англо-американских лингвистических статьях Душак приходит к выводу, что

polscy autorzy uprzedzają potencjalne zarzuty względem własnej osoby, precyzując na wstępie zakres swoich bieżących zainteresowań i zamierzeń, odżegnując się od określonych stanowisk i celów, a także pomniejszając walory swego przedsięwzięcia. [...] Z drugiej strony polski autor stosuje strategie kurtuazyjne względem innych autorów. Ogranicza on więc krytykę stanowisk, których sam nie reprezentuje [...], przyznając im chociażby częściową zasadność lub użyteczność dla innych celów czy potrzeb badawczych. W znacznym stopniu tego rodzaju zabiegi wynikać mogą z troski autora o zachowanie własnej „twarzy” akademickiej na wypadek, gdyby jego krytyka mogła okazać się mało przekonująca.²⁶

Эти свои наблюдения Душак иллюстрирует многочисленными примерами, некоторые из которых хотелось бы привести ниже:

Nie zajmuję się tu [...]. Próba ta nie ma pretensji do [...], jest raczej naszkicowaniem problematyki.

Nie negując przydatności, a nawet owocności takiego stanowiska dla określonych celów w językoznawstwie, czujemy się w obowiązku zauważyć, że jest to jeden z punktów nie zawsze dodatnio wpływających na [...].

²⁵ Там же, с. 825.

²⁶ A. Duszak, *Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa...*, s. 281–282.

Сравнивая польский материал с англоязычным, Душак приходит к выводу (который можно рассматривать как подтверждение наблюдений Гальтунга), что формулировки с такого рода оговорками совершенно не типичны для англо-американской академической риторики, где доминирует позитивная модальность, асертивность, прямота и непосредственность высказываний²⁷.

4.3. Гальтунг выдвигает гипотезу, что должно быть какое-то соответствие между структурой общества вообще и структурой научного сообщества, а также соответствие между структурой научного сообщества и структурой научного продукта²⁸. На этом основании он склонен рассматривать сложность/доступность изложения как следствие большей/меньшей элитарности самой структуры научного сообщества, высшей школы и системы высшего образования. Немецкое и французское научное сообщество Гальтунг считает более элитарными по сравнению с англо-американским и японским. Касаясь вопроса межличностного взаимодействия в рамках научного дискурса, он неоднократно обращает внимание на индивидуалистский, монологизированный характер тевтонского и галльского стилей, что, в частности, проявляется в большей сложности изложения в и связанных с этим трудностях в восприятии научного коммуниката. И наоборот, демократичность, толерантность англо-американской традиции проявляется в сравнительной доступности изложения. В качестве примера Гальтунг сравнивает манеру преподавания профессоров в различных интеллектуальных культурах: американский профессор в своей лекции, по словам Гальтунга, будет ориентироваться на медленных и слабых студентов, и даже на неакадемический мир, на все общество. Его французские и немецкие коллеги наверняка так не поступают; они обращаются к своим лучшим студентам, коллегам, в конце концов – к самому себе²⁹. Можно найти и другие высказывания, характеризующие галльский и тевтонский стили как индивидуалистские и монологизированные, например: „But then the French do not expect to be read by people in general [...]”³⁰; „discussions do not take the form of dialogue (or multilogues), but rather the form of parallel monologues [...]”³¹.

В плане противопоставления интеллектуальных стилей по критериям „элитарность – эгалитарность (демократичность)” и „монологичность – диалогичность” Душак характеризует польский научный стиль как более

²⁷ См.: там же, с. 281–283; A. Duszak, *Academic discourse and intellectual style...*, p. 307–309.

²⁸ J. Galtung, *Structure, culture and intellectual style...*, p. 834.

²⁹ Там же, с. 852.

³⁰ Там же, с. 846.

³¹ Там же, с. 853.

элитарный по сравнению с академической риторикой в англоговорящих странах³², а также как монологичный и умозрительный, ср.:

Teksty angielskie przeciwstawić można tekstem pisanym w intelektualnej tradycji polskiej, niemieckiej czy też czeskiej. O ile w tym pierwszym przypadku możemy mówić o koncentracji na potrzebach i możliwościach czytelnika, o tyle w tym drugim — jesteśmy świadkami silniejszego skoncentrowania się autora na własnym procesie myślowym.³³

4.4. Вообще же у Гальтунга понятие интеллектуальный стиль относится в большей степени к тому, как „делается наука”, к содержательной стороне научного продукта, чем к его языковому оформлению. Помимо отдельных, брошенных вскользь замечаний, касающихся языковой стороны того или иного интеллектуального стиля, мы находим более последовательное обращение к языковым аспектам прежде всего при формулировании отличий между тевтонским и галльским интеллектуальными стилями:

The argument to be developed now is that the gallic [...] approach to theory formation is very different from the teutonic. [...] Persuasion is carried, perhaps, less by implication than by *élégance*. Behind the *élégance* is not only the mastery of good style as opposed to the dryness of German social-science prose, often bordering on drabness, but also the use of *bons mots*, double entendres, alliterations and various types of semantic and even typographical tricks.³⁴

Если принять во внимание, что противопоставление „элегантность – строгость” выступает у Гальтунга основным критерием разграничения галльского и тевтонского стилей, то вполне закономерен вопрос, присуща ли и польскому научному стилю та же строгость и сухость изложения, что приписывается немецкому стилю, или в нем можно найти черты того, что было бы сопоставимо с „элегантностью” галльского стиля³⁵. Собственно говоря, обоснование нахождения какого-либо национально-культурного научного стиля в сфере тевтонского интеллектуального стиля требует соотнесения его не только с саксонским, но и по крайней мере с галльским стилем. К сожалению, мне не удалось найти работы, посвященные изучению польского и французского научного дискурса в контрастивно-стилистическом аспекте или хотя бы содержащие высказывания, касающиеся соотношения польского научного стиля с каким-нибудь из

³² A. Duszak, *Cross-cultural academic communication...*, p. 17; те́же, *Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa...*, s. 284.

³³ A. Duszak, *Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa...*, s. 279.

³⁴ J. Galtung, *Structure, culture and intellectual style...*, p. 830.

³⁵ Ср. приведенную выше цитату из: S. Gajda, *Język nauk humanistycznych...*, s. 21.

стилей, попадающих (согласно типологии Гальтунга) под определение галльского интеллектуального стиля.

4.5. За два десятилетия, прошедших со времени опубликования эссе Гальтунга, появилось немало исследований, направленных на выявление национально-культурных особенностей научного текста (дискурса), выполненных в рамках контрастивной лингвистики текста и контрастивной прагматики. Анализируя конкретный текстовый материал (лингвистические научные статьи на польском и английском языках) и опираясь на уже имеющиеся результаты сопоставления англо-американского научного текста с немецким,³⁶ русским³⁷ и чешским³⁸ научным текстом, Душак интерпретирует некоторые особенности польских (а также немецких, чешских, русских) текстов по сравнению с англо-американскими как различия между тевтонским и саксонским стилями. Так, было отмечено, что:

– для тевтонского стиля в меньшей степени, чем для саксонского, характерны схематизация текста, симметричность его частей, членение континуума текста на разделы, подразделы и т.п., снабжение разделов и подразделов заголовками;

– тевтонскому стилю присуща более свободная „дисциплина высказывания” (*dyscyplina wypowiedzi*), допускающая отступления от темы („дигрессии”), повторы, перифразы, а также спиралевидное развитие содержания;

– в тевтонском стиле тематическая часть предложения более объемна, имеет более сложное построение;

– тевтонская традиция отдает предпочтение подстрочным ссылкам, а саксонская – примечаниям в конце основного текста.³⁹

Хотелось бы отметить, что аспекты сопоставления, на основе которых были сделаны приведенные выше утверждения, не задействованы Гальтунгом в его типологии интеллектуальных стилей. Как уже говорилось, к собственно лингвистическим аспектам Гальтунг обращается лишь эпизодически, в центре его внимания – не изучение в сравнительном плане стилистико-текстового своеобразия сравниваемых языков, особенностей композиции текста и текстовых единиц, а общая модель научной коммуникации в ее социально-культурной обусловленности.

³⁶ M. Clyne, *Cultural differences in the organization of academic texts...*

³⁷ J. Nichols, *Nominalization and assertion in scientific Russian prose*, in: *Clause Combining in Grammar and Discourse*, ed. by S. Haiman and S. Thompson, Amsterdam 1988.

³⁸ S. Čmejrková, F. Daneš, *Academic writing and cultural identity: the case of Czech academic writing*, in: *Culture and Styles of Academic Discourse*, ed. by A. Duszak, Berlin–New York 1997.

³⁹ A. Duszak, *Tekst, dyskurs, komunikacja międzykulturowa...*

С другой стороны, лингвисты, в работах которых тот или иной аспект из перечисленных выше (большая/меньшая симметричность, расчлененность, склонность к „дигрессивности” и т.д.) рассматривался применительно к английскому и немецкому⁴⁰, английскому и русскому языкам⁴¹, не формулировали свои выводы в свете противопоставления тевтонского и саксонского стилей. Можно предположить, что перечисленные выше признаки польского научного текста, связываемые Душак с его принадлежностью к тевтонскому стилю, являются выводами более частного порядка по сравнению с такими глобальными характеристиками, как ориентированность на анализ парадигм и выработку теорий, жесткость проведения дискуссий и т.д.

Так, характеризуя польский научный лингвистический текст как тяготеющий к „дигрессивности” (*dygresyjność*), Душак опирается прежде всего на многочисленные публикации М. Клайна⁴². Сравнивая научные статьи (из области лингвистики и социологии), написанные носителями английского и немецкого языков, Клайн установил, что для научных текстов англоговорящих авторов более характерно осуществление разветвления семантической структуры текста в виде одной последовательности (или нескольких параллельных симметричных последовательностей) связанных друг с другом (макро)пропозиций, которые непосредственно обеспечивают раскрытие основной темы. Такое относительно однонаправленное развитие семантической структуры текста Клайн называет „линейным”. С „линейностью” в организации текстовой структуры коррелируют, по мнению Клайна, такие текстовые признаки, как наличие вводной части, сообщающей о тематической структуре статьи (*advance organizers*); интегрированность статистических данных, примеров, иллюстраций, таблиц и т.п. в основной текст; симметричность (при которой параллельные отрезки текста имеют примерно одинаковую длину, а макропропозиции содержат примерно одинаковое число пропозиций).

Линейность в последовательности раскрытия основной темы может нарушаться отступлениями, экскурсами, разного рода примечаниями и комментариями (часто в виде парантез) и т.п., которые не участвуют непосредственно в динамике раскрытия темы. В зависимости от количества такого рода содержательных составляющих текст предлагается рассматривать как более или менее линейный. Текст, в котором а) многие

⁴⁰ M. Clyne, *Cultural differences in the organization of academic texts...*; W. Dressler, *Semiotische Parameter einer textlinguistischer Natürlichkeitstheorie*, Wien 1989, S. 49.

⁴¹ J. Nichols, *Nominalization and assertion...*; M. Clyne, *Cultural differences in the organization of academic texts...*, p. 214.

⁴² M. Clyne, *Cultural and discourse structure*, „Journal of Pragmatics” 1981, Vol 5; tegoż, *Cultural differences in the organization of academic texts...* и др.

пропозиции не зависят от доминирующей пропозиции (макропропозиции) в своем текстовом сегменте, б) многие пропозиции не следуют за макропропозициями, от которых они зависят; в) многие сегменты включены в текстовые сегменты с другой темой, Клайн называет „нелинейным” или „дигрессивным”. Нелинейность в организации текстовой структуры проявляется, согласно Клайну, также в том, что основные дефиниции размещаются не в начале статьи, а гораздо далее, даже если дефинируемое уже упоминалось выше; отсутствует вводная часть, сообщающая о тематической структуре статьи; статистические данные, примеры, иллюстрации, таблицы и т.п. не интегрированы в основной текст, а даются в сносках или в приложении.

Основной тезис, выдвигаемый Клайном, состоит в том, что если научные тексты, написанные носителями английского языка, отличаются довольно высокой степенью линейности, то тексты немецких авторов (а также французских, итальянских и русских – здесь Клайн ссылается на Р. Каплана⁴³) больше склонны к дигрессивной организации.

Дигрессивный характер текста может быть следствием непродуманности его композиции или результатом неудачного сокращения длины текста, и на долю именно таких дигрессий приходится 65% дигрессий в текстах англоговорящих авторов. Для немецкого же научного текста дигрессии (отступления от темы, экскурсы) часто представляют собой заднеплановую информацию, и их функция состоит в создании теоретической или идеологической перспективы, обращении к тем или иным аспектам истории вопроса, ведении полемики с представителями других школ и направлений, сообщении дополнительных сведений или аргументов и т.п.⁴⁴ Такого же рода функции характерны для дигрессий в польском⁴⁵ и французском⁴⁶ научном тексте. В этом случае вывод о корреляции признака „дигрессивность” с такими характеристиками, как ориентированности на создание теории, стремление предупредить критику в свой адрес, представляется вполне закономерным. В то же время возникает вопрос, является ли большая „линейность” текста сама по себе фактором, ослабляющим теоретическую, полемическую направленность текста, его элегантность и т.д., или принадлежность к тевтонскому или галльскому интеллектуальным стилям все же не определяется только лишь

⁴³ R.B. Kaplan, *Cultural Thought Patterns in Intercultural Education*, „Language Learning” 1966, Vol. 16.

⁴⁴ M. Clyne, *Cultural differences in the organization of academic texts...*, p. 227–228.

⁴⁵ A. Duszak, *Analyzing digressiveness in Polish academic texts*, in: *Culture and Styles of Academic Discourse*, ed. by A. Duszak, Berlin–New York 1997.

⁴⁶ R.B. Kaplan, *Cultural Thought Patterns...*; K. Adamzik, *Kontrastive Textologie: Untersuchungen zur deutschen und französischen Sprach- und Literaturwissenschaft*, Tübingen 2001.

„нелинейностью” следования макропропозиций, отсутствием advance organizers, нерасчлененностью текста на разделы, подстрочными ссылками и т.п.

5. Аргументируя тезис о принадлежности польского научного стиля к тевтонскому стилю, Душак обращается прежде всего к характеристикам, свидетельствующим о сходных чертах, присущих современным немецким, польским и русским научным текстам. Вместе с тем здесь можно указать и на ряд различий.

Например, согласно Клайну, для немецких текстов типично размещение основных дефиниций не в начале статьи, а гораздо позже, даже если дефинируемое уже упоминалось выше, в то время как англоязычные авторы обычно стараются дать основные определения сразу же во вступлении⁴⁷. Для польских авторов, как показывает в своем исследовании Душак, характерно размещение концептуально-терминологического аппарата ближе к началу статьи,⁴⁸ т. е. так же, как и в англо-американской традиции. В русских текстах, подобно как и в немецких, прослеживается тенденция не помещать определения основных понятий в начало статьи⁴⁹. Можно предположить, что отсутствие эксплицитного определения терминов, основных понятий в начале научного гуманитарного текста в ряде случаев компенсируется помещением в начале статьи значительным количеством заднепланового материала (описание теоретических предпосылок, методологический экскурс, биографическая справка, характеристика исторического, политического контекста и т.п.)⁵⁰. Автор текста, вероятно, рассчитывает на то, что компетентный читатель в состоянии имплицитно вывести наполнение используемых им понятий, терминов из сообщаемой во вступлении информации о том, в рамках какого направления, школы выполнена данная работа, из отсылок к соответствующим авторитетам, анализа текущего научного процесса в определенной дисциплине и т.п.

Что касается вопроса о принадлежности русского (советского) научного стиля к тевтонскому интеллектуальному стилю, то здесь показательна работа М. Пункки и Х. Шрёдера, в которой на примере анализа аргументационной структуры двух советских текстов (философского и социологического) демонстрируется, что к одному из этих текстов в значительной мере приложимы характеристики, сформулированные Гальтунгом для тевтонского стиля, а к другому – нет. Выводы, к которым приходят Пункки и Шрёдер, перекликаются с приведенными выше

⁴⁷ M. Clyne, *Cultural differences in the organization of academic texts...*, p. 229.

⁴⁸ A. Duszak, *Academic discourse and intellectual style...*, p. 306–307.

⁴⁹ Ср. наблюдения в: М. Ванхала-Анишевски, *Текстообразующий метатекст в русской и финской научной речи*, „Scando-Slavica” 2001, Vol. 47, p. 46.

⁵⁰ Подробнее см. K. Prokopczuk, *Die Wechselbeziehung zwischen Vorder- und Hintergrund...*

наблюдениями Зайонца (см. п. 3.) и состоят в том, что в общественных науках можно проследить не только межкультурные различия в стратегиях построения текста, но и не менее значительные внутрикультурные различия – различия между дисциплинами, парадигмами, стилями отдельных авторов⁵¹.

Если говорить о более частных текстовых характеристиках, свидетельствующих о сходстве и различиях в стиле современных немецких, польских и русских научных текстов, то помимо весьма общих утверждений о том, что русский научный текст, подобно немецкому и французскому, тяготеет к нелинейности, в 1999–2007 гг. появился ряд исследований немецких лингвистов, целью которых было выявление возможных национально-культурных отличий русского научного стиля по сравнению с немецким. В частности, было установлено следующие особенности:

Если доклады англо-американских и немецких исследователей часто начинаются с вводной части, сообщающей о тематической структуре предлагаемого доклада, то у русскоязычных докладчиков такая вводная часть чаще всего отсутствует. В русских докладах собственные результаты исследования часто эксплицитно не отделены от общего состояния изученности вопроса, по крайней мере, не во вступительной части.⁵²

В русских научных текстах так же, как и в англоязычных, все цитаты из иностранных источников обычно переводятся на основной язык текста; в немецких научных текстах англоязычные цитаты даются на языке оригинала⁵³. Для сравнения: в польских научных текстах цитаты на английском, немецком и французском языках принято оставлять на языке оригинала⁵⁴.

Для русских статей в большей мере, чем для немецких, характерны глобальные ссылки, при которых отсутствует указание на конкретный источник, например: *в современных исследованиях...; по оценкам экспертов...; многочисленные наблюдения разных авторов позволяют говорить о том...*⁵⁵ Также западные исследователи неоднократно отмечают некоторую неполноту библиографических данных, ссылок, отсутствие цитат и примеров, поясняющих те или иные положения, сформулированные

⁵¹ M. Punkki, H. Schröder, *Argumentative Strukturen in russischsprachigen Texten der Gesellschaftswissenschaften...*, S. 119–120.

⁵² H. Kotthoff, *Vortragsstile im Kulturvergleich...*

⁵³ H. Baßler, „Der folgende Diskurs hat eine empirische Basis“. Intertextualität in deutschen und russischen soziologischen Aufsätzen. Ms. eines Vortrags auf der 30. Jahrestagung der Gesellschaft für Angewandte Linguistik, Frankfurt am Main – 30.09.1999–02.10.1999.

⁵⁴ A. Duszak, *Cross-cultural academic communication...*, p. 17.

⁵⁵ H. Baßler, „Der folgende Diskurs hat eine empirische Basis“... .

в научном исследовании⁵⁶. Отказ от размещения в научном тексте определенного рода заднеплановой информации действительно характерен для многих как советских статей, так и работ, написанных в постсоветский период; причины этого, с одной стороны, лежат в ограниченных возможностях вузовских издательств и вытекающих отсюда ограничений объема публикуемых материалов. С другой стороны, меньшее количество ссылок и цитат в статьях и научных докладах является следствием недостаточного финансирования исследовательской работы, плохой пополняемости библиотечных фондов, недостаточной степени взаимодействия между университетскими библиотеками.

Названные выше текстовые характеристики, свидетельствующие о различиях в стиле современных немецких и русских научных текстов – это далеко не полное перечисление результатов сопоставительных исследований в этой области. Не исключено, что дальнейшее изучение научных дискурсов, попадающих в сферу тевтонского ареала (как его видит Гальтунг), и, что немаловажно, изучение на материале различных областей науки, позволит более полно описать стилевые предпочтения, характерные для исследователей того или иного научного сообщества.

6. Резюмируя представленные в данной статье наблюдения, можно сказать, что предложенное Гальтунгом описание четырех интеллектуальных стилей оценивается многими лингвистами как оригинальная и продуктивная гипотеза. Вместе с тем очевидная субъективность подхода, фрагментарность доказательной базы, недостаточная определенность понятий, которыми оперирует автор („монологичность”, „толерантность”, „элитарность” и др.), а также практическая невозможность на действительно объективной основе окончательно подтвердить или опровергнуть основные характеристики интеллектуальных стилей – все это не позволяет сделать вывод о полной достоверности теории Гальтунга.

Б. Сандиг, формулируя свое понимание стиля, пишет: Стиль – это всегда „как”, „каким образом...”. Но при этом важно, „что” как стилистически оформлено и затем, как интерпретируется это „что – как”, т. е. „для чего”⁵⁷.

Наблюдения и утверждения Гальтунга в большей степени относятся к аспекту „Что” (т.е. к выбору и организации текстового содержания, текстовым интенциям), чем к аспекту „Как” (т.е. задействованным языковым формам). Вместе с тем в ходе формирования контрастивной лингвистики

⁵⁶ M. Punkki, H. Schröder, *Argumentative Strukturen in russischsprachigen Texten der Gesellschaftswissenschaften...*, S. 112, 114; ср. также: C. Debes, *Mündlicher Wissenschaftsdiskurs Russisch – Deutsch. Ein sprechwissenschaftlicher Vergleich*, „Deutsch als Fremdsprache” 2007, 44. Jg. (1).

⁵⁷ B. Sandig, *Tendenzen der linguistischen Stilforschung*, in: *Stilfragen*, hrsg. von G. Stickel, Berlin–New York 1995, S. 28 – перевод мой.

научного текста мы уже имеем значительное количество исследований, в которых сопоставление национальных научных стилей осуществляется на лингвистической основе. Оформление такого рода исследований в самостоятельное направление находится в самом начале пути, что, в частности, отражается в разноаспектности, некоторой разрозненности эмпирических описаний материала, принадлежащего к разным языкам, культурам, областям знаний, жанрам, типам текста. В такой ситуации идея Гальтунга представить типологию интеллектуальных стилей макрокультурного уровня может оцениваться как привлекательная и плодотворная⁵⁸. Реализация этой идеи требует, однако, специальных исследований, в том числе и междисциплинарного характера, которые бы определили соотношение между общей моделью научной коммуникации и отдельными аспектами ее речевой реализации (например, принципами развертывания текста, использованием типовых структур при построении той или иной разновидности текста, построением и объемом абзаца, особенностями интертекстуальности и др.), т.е. речь идет о более пристальном внимании к аспекту „что – как” и „для чего”. Не исключено, что при обсуждении вопроса о принадлежности того или иного национально-культурного научного стиля к одному из интеллектуальных стилей макрокультурного уровня⁵⁹ возникнет необходимость в построении иерархии факторов, параметров, признаков, задействованных при разграничении интеллектуальных стилей.

В свете вышесказанного утверждения о принадлежности польского, русского и других стилей стран Восточной Европы к тевтонскому интеллектуальному стилю следует считать гипотезой – гипотезой вполне убедительной, но нуждающейся еще в проверке, доработке, уточнении. Вместе с тем серия публикаций, охватывающая широкий круг вопросов, связанных с изучением польского, русского языка науки – а вместе с ним и научных стилей других славянских языков – в контрастивном аспекте, позволяет не только взглянуть на эти научные стили как бы извне, с позиции представителей других культур, но и открывает перспективы дальнейших, в том числе и междисциплинарных, исследований.

⁵⁸ Ср.: Л.В. Куликова, *К понятию коммуникативного стиля...*

⁵⁹ При этом возможны и „смешанные” национальные стили, объединяющие в себе в примерно равной степени признаки двух или трех интеллектуальных стилей, ср.: J. Galtung, *Structure, culture and intellectual style...*, p. 845–846; M. Clyne, *Pragmatik, Textstruktur und kulturelle Werte. Eine interkulturelle Perspektive*, in: *Fachtextpragmatik*, hrsg. von H. Schröder, Tübingen 1993, S. 14.

**Cultural specifics of Polish and Russian scientific writing
(according to classification of intellectual styles by J. Galtung)**

J. Galtung – a renowned Norwegian sociologist and political scientist – is one of most frequently cited authors in publications that deal with description of cultural specifics in the area of scientific communication. When talking about differences in writing and speech of representatives of four so-called intellectual styles, Galtung characterises the scientific styles (however, mainly in arts and humanities) in Eastern European countries as staying under the influence of Teutonic (i.e. based upon German scientific tradition) intellectual style.

This article addresses the following problems: further specification of the term “Teutonic intellectual style” and evaluation of the reasons for inclusion of Polish and Russian scientific style into it; review of some textual characteristics to demonstrate both similarities and differences between German, Polish and Russian publications; identification of those specifics of Polish and Russian scientific styles that cannot be explained through their belonging to the area of influence of Teutonic intellectual style.